

МАКСИМ ПРОКОПЧЕНКО

Зигота



Максим Прокопченко

Зигота

«Издательские решения»

Прокопченко М.

Зигота / М. Прокопченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965194-5

«Не ходи в лес без дитяти! — предупреждали деревенские старцы. — Токмо они видють всю нежить в клятом тумане». Этим советом и воспользовался Рарог, когда решил пройти через печально известный Трупный лес. Но одно дело — идти туда днем. А вот ночью... да еще и в канун Халыньи, когда из-за лунного затмения вся лесная нежить впадает в кровавое безумие. Рарогу и его юному проводнику только предстоит узнать, что смерть — далеко не самое страшное, что может произойти с ними в проклятом лесу. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-965194-5

© Прокопченко М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Акт I	7
Глава I	7
Глава II	11
Акт II	15
Глава III	15
Глава IV	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Зигота

Максим Прокопченко

Иллюстратор Татьяна Александровна Беляева

© Максим Прокопченко, 2019

© Татьяна Александровна Беляева, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-5194-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*И верьте мне, я говорю,
Что места нет страшней.
Там чудищ больше, чем в аду,
И тьма еще мрачней.*

Изяслав Прекрасноволосый, бард.
Места нет мрачней

Пролог

Мир полон событий и историй. Куда бы мы ни отправились, всегда можно найти человека, который расскажет нам какую-нибудь историю. И неважно, слышал ли он ее аль вообще являлся прямым ее участником, настоящая она или выдуманная, короткая или длинная, плохая или хорошая, героическая или трагическая, любовная, быть может, ужасающая и пугающая – это будет история мира. История, которую мы пишем и творим сами. История, которой мы живем.

И у меня, дорогой мой читатель, тоже есть о чем рассказать. Эта история стала серьезным испытанием для людей, живущих в эти темные, полные опасности времена. Прежде чем я приступлю к ее пересказу, позволь мне, дорогой мой читатель, немного поведать о том, как я про нее узнал.

Отрывок из этой истории я услышал от одного старого купца. Он приехал в город с запада в попытке спрятаться от всех тех ненастий, что обрушились на его родные края. Мы совершенно случайно пересеклись с ним в местной таверне под названием «Пьяненький пони». К слову будет сказано, что буквально недавно она из себя ничего не представляла и была на грани разорения. Но, как говорила моя любимая, но уже покойная тетушка: «Не было бы счастья, да вот несчастье помогло». Нескончаемые толпы беженцев, шедшие с запада, нуждались в месте, где можно было спокойно перевести дух, обсудить последние новости, помянуть павших или просто потратить последние сбережения, чтобы окончательно забыться на дне кружки. И по какой-то совершенно непонятной причине они облюбовали именно «Пьяненького пони». Конечно же, на радость его хозяина. Старого маразматика Корнея.

Так вот, поначалу купец не сильно хотел вообще что-либо рассказывать. Он изредка отрывался от очередной кружки с местным медовым пивом лишь для того, чтобы что-то спьяну всхлипнуть, ограничиваясь пространными обрывками. Но даже в таком виде его рассказ смог вызвать у меня неподдельный интерес. Вашему покорному слуге пришлось день за днем разоряться на покупку спиртного, еды и аренды комнаты на верхнем этаже таверны, пытаюсь задобрить его и развязать ему язык. Через несколько дней после очередной кружки добротного пива старый купец сознался в том, что ему известна лишь малая часть произошедших событий рядом с местечком под названием Дремучий курган. И в один прекрасный день он, опять же, изрядно напившись за мой счет, рассказал все, о чем помнил и знал. Эта история настолько заинтриговала меня, что в тот же самый день я немедленно собрал свои вещи и отправился в те края, дабы узнать все из уст непосредственных свидетелей тех страшных событий.

Признаюсь – путь был тяжелым и полным опасностей. Несколько раз ваш рассказчик был на грани того, чтобы все бросить и вернуться назад. Но настоящий животный интерес к познанию этой истории придавал сил и вел меня прямо к Дремучему кургану.

Не буду больше томить вас ожиданием. В конце концов ваш верный слуга сдюжил найти того человека, который помог восстановить события тех дней.

А дело было так...

Акт I

Знакомьтесь, это ваш новый проводник

Глава I

Руны, руны, руны

– Мастер-рунник? – Рарог сердито ходил по мастерской. – Мастер-рунник?

Вставший еще ни свет ни заря, чтобы подготовиться к дороге, Рарог совершенно не хотел задерживаться в деревеньке Предлесье. Он рассчитывал как можно скорее добраться до Трупного леса и попытаться пересечь его еще при дневном свете. Или хотя бы до лунного затмения. Но для этого сначала следовало найти рунника, чтобы забрать оставленный ему два дня назад заказ, а потом встретиться со старостой деревни и заплатить за предоставленную хату на ночлег. Пройдя еще несколько шагов по узкому коридору, отделявшему мастерскую от остальной части дома, он услышал утробный храп, раздававшийся из-за приоткрытой двери.

– А ведь еще вчера вечером обещал трудиться не покладая рук, чтобы успеть к утру, – проворчал Рарог и легонько толкнул мастера в томно вздымающееся пузо. – Мцеслав, пентюхай ты эдакий. Вставай, кому говорю!

Мцеслав, едва приоткрыв один глаз, резко подскочил на печи, да так, что с грохотом упал на пол. И прикрывая лицо руками, заорал:

– Не ешь меня, демон!

– Да не демон я, – рассмеялся Рарог, – и не буду я тебя есть. Могу только поколотить хорошенько, если ты обманул меня и работу свою не сделал.

Присмотревшись к разбудившему его человеку, Мцеслав на долю секунды обрадовался, а затем на его лице опять появился испуг.

– Черт тебя дери, Рарог, уж лучше бы демоны, чем ты! Воистину!

– Ты прав, рунник. Я могу быть куда хуже их брата, – Рарог протянул руку, чтобы помочь руннику подняться на ноги.

– Не надо. Я сам, – прокряхтел Мцеслав. Тихо выругался, встал на четвереньки, оперся рукой на стоящий рядом стол и с трудом поднялся на ноги.

Несмотря на то что мастер-рунник был достаточно высоким и едва ли не самым крепким мужиком в деревне, он оказался чуть ли не на две головы ниже Рарога и гораздо уже в плечах.

– Кто же так к людям-то подкрадывается посреди ночи, а? Так можно и зайкой сделать.

– Да какая же сейчас ночь? – удивился Рарог. – Петухи уже второй час как глотки надрывают.

– Твоя правда, – виновато пробормотал Мцеслав, глядя на яркие солнечные лучи, пробивающиеся сквозь небольшое окошко. Широко зевнул. – Чего-то разморило меня сильно... ночь тяжелая была.

– Ты сделал то, о чем мы договаривались?

– Чегось? – рунник так и застыл с открытым ртом.

– Ты баламошкой-то не прикидывайся. Не к лицу оно тебе совсем.

– Вот зараза ты приставучая. Дай хоть глаза протереть, – отмахнулся мастер-рунник. – Сделал я. Сделал. Не переживай. Хоть и были небольшие трудности...

– Трудности, говоришь? – Рарог заметно напрягся.

– Руны очень сложные. Енти твои штуковины, – Мцеслав пристально посмотрел в глаза заказчику, – они очень сильные и необычные. Как и амулеты, что ты заказал. Я хоть и боюсь спрашивать...

Мастер-рунник замялся и задумался, почесывая живот.

– Раз боишься – не спрашивай.

– А я, значит, спрошу. Так откуда рунишки, а? Я такие отродясь ни в одной книге не встречал. Даже в столичной эм... энц... черт-те-какой-то-там-педии. Я вообще не подра-зумевал об их существовании ровно до позавчерашнего вечера, когда ты приперся ко мне на порог. И не думаю, что кто-либо из известных мне мастеров тоже разумеет об их существовании.

– Этого я тебе не могу сказать, – холодно ответил Рарог.

– Понял. Не дурак, – тяжело вздохнул мастер и что-то пробормотал себе под нос. Затем жестом предложил Рарогу пройти в мастерскую. Оказавшись за своим рабочим столом, он просунул руку под видавшую лучшие времена столешницу и вытащил из-под нее нечто завернутое в мешковину. – Тут все, что ты заказывал.

– А чертежи?

– Сжег еще вчера вечером. Как ты и говорил.

– Добро, – Рарог быстрым движением спрятал сверток за пазуху и потянулся к небольшому мешочку, висящему у него на поясе.

– Ты мне ничего не должен, – прервал его Мцеслав. – Не надо. Иди с миром.

– Мы так не договаривались.

– Я знаю. Понятия не имею, для чего ты будешь использовать вот это вот все, но денег брать не буду. Выводить эти руны для меня и так была большая честь. Многие мастера бы в очередь выстроились, чтобы заплатить тебе за возможность увидеть их хотя бы одним глазком. В любом случае, – Мцеслав улыбнулся, – будет о чем потом внукам рассказывать.

Они крепко пожали друг другу руки. После чего Рарог развернулся и направился к выходу из мастерской. Уже на пороге он остановился и обратился к задумавшемуся у своего рабочего стола Мцеславу:

– Мастер-рунник.

Тот едва поднял глаза, чтобы посмотреть на Рарога, как на стол с глухим звоном приземлился мешочек с монетами.

– Но я же...

– А это не за работу. Это тебе, чтобы было на что внуков заводить, – весело сказал Рарог и исчез еще до того, как Мцеслав успел бы ему что-либо ответить.

Найти старосту деревни дело было несложное. Куда сложнее оказалось дожждаться момента, когда он останется один. Рарог уже битый час стоял у покосившегося забора, нервно пожевывая соломинку. Староста этим утром был нарасхват. Но оно-то и понятно. Скоро будет лунное затмение, и жителям Предлесья нужно подготовиться к тому, что вся нечисть из близлежащего леса так или иначе с радостным воем ринется к ним на пир.

– И пусть весь чостокол изрисуют защитными рунами! – кричал староста в спины быстро удаляющимся мужикам. Они с проворностью муравьев тащили за собой телеги с бревнами, топорами, лопатами и прочей утварью. – Да так, чтобы ни одна мразина смердящая не смогла и носа просунуть! Я сам приду и вечером проверю. И если я найду хоть один изъян, хоть одно пустое место, на которое можно будет нанести руну, а ее там не будет – я вас всех выпорю и прикажу за янцы ваши на тот самый чостокол подвесить, чтобы вы сами умпырей и обморотней вонючих своим воем отпугивали, пока я буду танцевать и кидать в вас камнями!

– Умпыри и обморотни... господа, – усмехнулся Рарог, сплюнул соломинку и направился к старосте. Больше он ждать не мог.

Завидев приближающегося быстрым шагом Рарога, староста скрестил руки у себя на груди и недовольно скривил губы.

– Феофан... – начал было разговор Рарог, но старик небрежно прервал его на полуслове.

– Я тебе пофеофакаю сейчас, ишь ты! Для тебя я – староста Феофан! И бутте так любезны, юноша, обращаться ко мне як надобно!

«Черт лохмоногий», – подумал Рарог, но вслух не сказал.

– Я надеюсь, вы пришли ко мне по делу, а не просто так отвлекать своей безнравственностью. Чем обязан?

– К счастью для нас обоих, я пришел, чтобы расплатиться. Спасибо за хату и гостеприимство, – быстро промолвил Рарог, подбрасывая в воздух приятно позванивающий мешочек с монетами.

Услышав заветный звон, староста расплылся в мерзкой улыбке, напоминающей зубоскал умирающего от голода волколака, но сразу же изменился в лице, как только поймал мешочек своими костлявыми пальцами.

– Таки мне кажется или он и вправду легковат?

– Там ровно столько, сколько мы договаривались.

– Ты меня совсем за межеумка принимаешь, да? Там же явно меньше!

– А ты пересчитай, – Рарог подошел к старосте вплотную и сердито посмотрел на него сверху вниз, – а я, так уж и быть, подожду.

– Вот же холера! – едва разборчиво промычал Феофан и с кислым лицом спрятал мешочек с монетами в рукав.

Он понял, что вряд ли у него получится выбить из наглого чужака еще хоть один медяк. Уж больно крепким он оказался орешком даже для такой алчной пройдохи, как Феофан. Староста, радостно предвкушая момент уединения и подсчета драгоценных медяков, сделал шаг по направлению к своей хате, но, к его удивлению, уже порядком начинающий раздражать своим присутствием Рарог перегородил ему дорогу.

– Вам что-то еще надобно, мил человек, аль вы просто меня пораздражать на дорожку решили? – с трудом скрывая свой гнев, спросил Феофан, но, заметив недобрый взгляд Рарога, сразу же мысленно взмолился о том, чтобы тот не решился его поколотить, а то и куда хуже – обокрасть!

– Ты прав, Феофан. Мне кое-что нужно.

– Ч-что? – заикнулся староста и попятился назад.

– Всего лишь одна простая услуга.

– Услуга? – уже собравшийся молить о пощаде Феофан застыл на месте.

– Да. Мне нужен ребенок.

– Дитятку, говоришь?

Где-то в этот момент к старосте пришло осознание того, что его не будут избивать и грабить. Вместе с тем к нему вернулась его наглость и чувство собственного достоинства, а животный страх сменился на праведный гнев.

– А черта тебе лысого не погонять заодно, а? Ишь ты, дитя он захотел! У нас и так баб уже почти в деревне не осталось, их всякая-то неведомая кудлатая хуйня лесная поворовала! А ты еще и дитя у меня хочешь отнять? Да я тебе...

– Не верещи ты как баба базарная, Феофан, я купить хочу. Готов хорошо заплатить. Желательно – мальчик, не старше десяти, максимум одиннадцати зим отроду. Девочку тоже могу взять, лишь бы по возрасту подходила. Но тогда придется поторговаться, – спокойно сказал Рарог.

У старосты случился такой вид, словно он подавился собственными зубами. А заодно и укуса выпил.

– Иди к ворожею. Его хата у края деревни. Старая такая, вся косая, как и его мерзкая рожа с вечного перепою. В ней уголка-то ровного и днем с огнем не сыскать. Ты ее ни за что не пропустишь. Такмо он у нас приют для сироток бедненьких держит у себя в сарае. Подкармливает их, лечит, на ночлег обустроивает. Некоторых в лес тренироваться водит. Скажи ему, что ты от меня, если этот шлындявый тартыга начнет выкобениваться. Да заплати столько, сколько скажет. А я потом зайду и проверю. Всего тебе хорошего, мил человек! – пролепетал староста и с важным видом быстро пошаркал прочь от Рарога.

Глава II

Ворожей! Открывай, Рарог пришел

Покосившаяся хата ворожея, как и говорил Феофан, находилась на самой окраине деревни. Подойдя к дырявому забору, Рарог открыл до омерзения скрипучую калитку, прошел к дряхлой деревянной двери и постучал. Никто не ответил. Он постучал еще раз, уже в разы громче. Ответа не последовало, но из дома донесся шорох и чье-то бессвязное ворчание. Выругавшись, Рарог принялся со всех сил тарабанить по едва держащейся на петлях двери. Спустя пять минут он уже чуть ли не в кровь измолотил кулак, пытаясь достучаться до ворожея.

– Дери того бес, акмо... дверь моейную выламует с утра! – раздалось из недр дома. – И будь ты трижды клят, если ты, гад и чума энтакая, без самогонки ко мне приперси!

– Наконец очнулся! Открывай, ворожей! Я к тебе по делу.

– А ты еще... что за ч-орт с рылом, мхом поросшим? – спросил ворожей с перекошенным лицом, после того как с трудом смог открыть дверь.

– Рарог я. А ты?

– Местный ик... вороб-жей, да. Мирославом меня кличут, ик, роде ак... вчера был. Егодня... не уерен.

– Ты совсем бухой, да? – ехидно поинтересовался Рарог.

– Я? Не-е-е... – ворожей так активно замотал головой, что чуть было не упал. Вовремя успел схватиться за дверь. – Я... между этим самым... как его... прочим... ворожбу наводил, да! Очильную. И так-кая, сук, крепкая вышла, шо аж... пес-ец ежика хвостом накроет. А ежи энто зло! Чистейшее, ят-те говорю. Не давай им, демонам, нич-го. Но если ты мне принес выпить, то огада – я выпию. Такужибыть. Заходи, гостем буишь...

– А самогона-то у меня для тебя как раз таки и нет. Зато есть...

– Сивуха?

– Нет.

– Такмо, может быть, медовуха? Бормотуха? Пивчанчик? Даже водовка сойдет. Аль настойка якая-нить.

– Да послушай ты...

– Огда вали отсюда, муд-овище болотное! Чаво приперси, понимаешь ли? Будют тут и будют. Чума бород... поддатая! Энтого нет, того...

Ворожей попытался закрыть дверь, но Рарог подставил ногу и толкнул ее обратно. Немного не рассчитав силу, и дверь вместе с прогнившим косяком отлетела внутрь, утягивая за собой вцепившегося в нее громко матерящегося ворожея. Мирослав распластался на полу рядом с выбитой дверью и что-то тихо бормотал себе под нос, выпучив красные глаза.

– Да твою же мать! – выругался Рарог. – Надеюсь, не убил. Мирослав? Ты как, живой?

Но тот продолжал что-то лихорадочно нашептывать. Рарог нагнулся к нему, прислушался.

– Пшелты-пшелты-пшелты-пшелты.

– А, понял. Ты посылаешь меня, – догадался Рарог.

Ворожей едва заметно кивнул и продолжил нашептывать ругательства.

– Ладно, Мирослав. У меня нет времени сюсюкаться с тобой. Пора трезветь.

– Пшелты-пшелты...

Рарог схватил валявшееся в углу большое ведро, вышел во двор и направился напрямиком к колодцу, чтобы набрать воды.

– Ух, какая ледяная! – он радостно воскликнул после того, как отпил из ведра. – Отлично.

Вернулся обратно в хату. Поставил полное до краев ведро на пол рядом с ворожеем. Тот лишь беспорядочно водил бешеными глазами, пытаясь предугадать следующие действия.

– Ты сам встанешь? Или мне тебе помочь? – спросил Рарог, небрежно приподнимая голову Мирослава за редкие засаленные волосы.

– Пшелты-пшелты...

– Как скажешь.

Голова ворожея быстро оказалась в ведре с ледяной водой.

– Ты че? Совсем... – завопил ворожей, когда Рарог ослабил хватку и позволил ему поднять голову. – Да я те...

Рарог снова окунул сопротивляющегося ворожея. Проталкивая его голову к самому дну ведра. Мирославу только и оставалось, что яростно булькать и семенить ногами. Повторив процедуру еще несколько раз, Рарог напоследок чуть подольше подержал ворожея под водой, затем уже позволил тому вынырнуть.

– Вуух! – громко выдохнул ворожей, откашливаясь и высмаркиваясь прямо на пол. Рарог поднес ему тряпку, чтобы тот вытер лицо. – Спасибо, мужик! Я б сам так никогда не смог быстро протрезветь, даже при помощи зелий.

– Рад был помочь. А теперь ты готов говорить?

– Угусь. Чегой хотел-то?

– Пацана у тебя купить.

– Для чегой-то?

– А ты сам как думаешь?

– В лес, значимо, собрался.

– Точнее, через лес. Мне на ту сторону нужно. Срочно.

– Боги... ну пойдём. Ванька у меня в сарае за хатой живет.

– Оный у меня один осталсяма, – тараторил Мирослав, пока они шли через сад к одиноко стоящему сараю. – Ты не поверишь, но всех с недавних пор разобрали. Я его, еси честно, себе хотел оставить. Ну там, дабы в лесочек по грибы ходить, травы волшебные собирать да на русалок подивиться и все такое. Да. Больно они у нас красивые водятся. Там есть одна, рыженькая такая. Хвостик и все, энтсамое, остальное – есть при ней. Ну там носик, ротик, глазки, губки, а самое главное – две большие...

– Давай без подробностей.

– Мда, энтсамое. Как говаривал мойный учитель: «Запомни, Мирослав, русалка снизу – холодная и простая як рынба, сверху – горячая и хитрая як баба». Смотри, грит, не перепутай. Но сам перепутал, потому и утопцем в ондин момент стал. Так вот. О чем это я? Да. Тебе, так уж и быть, за выгодную цену отдам ребятенка. Он хороший, хоть и пресноплюй тот еще. Однако толковый. Это да. Весь в мать свою пошел. Глаз у него зоркий, любую нечисть за версту разглядит да название ее скажет.

– Он в лесу часто бывал?

– Да пару разов. Хотя уж таких тварей он там перевидал, что я бы давно штаны обгадил по самые энти... колени, да. Спереди и сзади. Но он – не-е, – протянул ворожей с умным видом, – ни бояться их. Вообще ни разу. Мне б его решимости, а там, гляди, и давно бы пить так перестал. Да слабый я онче. Да. Ну, ты стой здесь. Я сейчас приведу мальчика.

Спустя какое-то время он вывел за руку худенького мальчика.

– Ну что, прошу любить и жаловать. Рарог – это Ваня, твой лесной проводник. Ваня – это Рарог, твой новый батька.

Ваня с любопытством осматривал своими большущими зелеными глазами Рарога с ног до головы.

– Сколько тебе? – спросил Рарог.

- Ентой зимою будет вот столько, – Ваня показал на пальцах.
- Одиннадцать. Сойдет. Ну что же...
- Так. Придержите-ка своих коней, милсдари. Мы еще не обсудили самый главный вопрос, – скромно закашлял ворожей, положил правую руку Ване на плечо, а левую вытянул в весьма распространенном жесте.
- Хорошо. Сколько ты хочешь? – начал торги Рарог.
- А сконко ты обычно даешь?
- Столько, сколько обычно просят.



- А сконко обычно просят?
 - Как обычно. Тебе ли не знать этого?
 - Ваня со странной улыбкой наблюдал за двумя спорящими мужиками.
 - Вот чума же! А ты умеешь торговаться. Ладно. Давай один златый и забирай паренька.
 - За один златый я и сам могу в лес пойти и вернуться с головой трупоеда в придачу.
 - Ай, зараза. Я плохо умею считать. Не, я могу, конечно, по пьяни складывать и отнимать.
- Но этмо немного в другую сторону: складывать трупы в телегу и отнимать сладости у детишек – энт да, я могусь, – ворожей заскулил со смеху и взъерошил Ваньке волосы на голове, – поэнтому давай восемь раз по пять медяков. И еще восемь медяков сверху. Не знаю, сконко это в цифрах. Но вот моя цена.
- То есть твоя цена – двадцать восемь медяков?
 - Ну если этно стонко, то тогда – да. Хотя... хитрый ты лис, а ты меня не дуришь случайно? А то я ой как этного самого не люблю. Ужась. Злюся от этного похлеще, чем бешеный лютолак с клещом на гузне.
 - Так сам посчитай, а пока ты будешь считать – я возьму малого и мы уже дважды сможем сходить туда и обратно. За бесплатно.

– Медяки вперед, – согласился Мирослав после недолгих колебаний. И как только получил нужное количество монет, легонько подтолкнул Ваньку.

– Ты хоть не пропей все сразу, – сказал Рарог, глядя на то, как у ворожея задрожали руки при виде денег. – А то к тебе староста еще наведается вечером.

– От сююка, – присвистнул ворожей. – Ну ладно. Энтсамое, ты береги мальчика. Уж больно привык я к нему.

– Постараюсь, – спокойно заверил его Рарог. – Ты же сам понимаешь, что если с ним чего случится, то я без него в лесу и шага сделать не успею, сожрут быстрее. Ну, пошли, чего время тянуть.

– Я тогда помолюсь за вас немножко, – грустно выдохнул Мирослав, когда проводил Рарога и Ваню до калитки. Он резко изменился в лице и помрачнел.

– Каким же богам? Старым или этому новому?

– Да кому угодно, хоть дядам. Я буду молиться тем, кто услышит меня. А то мне иногда кажется, что они от нас все отвернулись. Времена нонче совсем темные и поганые стали. Люди говорят, что нечисть лесная совсем оборзела и уже посреди дня из леса выходит и на девок да купцов нападает. Что-то у них там неладное творится, я это нутром чую. По ночам оттудавай различный доносится да крики такие, что кровь стынет.

– Так, а почему вы свой лес «Трупным» прозвали? Я-то название давеча только услышал, а почему так – знать не знаю.

– Да понимаешь, поселилась у нас там с недавних пор якая-то паскуда мерзостная. И после энтото из лесу нашего ветер вонизму доносить стал. Падалью и скверной. И ягда один вельможа ворощался сквозь него, так и сказал: «Я в ваш трупный лес больше ни ногой, ни гузном». Вот так мы его теперь и называем – Трупный лес.

Все трое молча стояли и смотрели друг на друга.

– Тебе точно через лес нужно идтить? – спросил ворожей. – Ты же можешь по большаку обойти его. Хоть и он тоже не совсем безопасен сейчас.

– У меня нет выбора. По большаку слишком долго. Сколько там – три или четыре дня на дорогу понадобится? А через лес, насколько я знаю, напрямик – в самом плохом случае за сутки пройти можно. Да и к тому же на большаках обычно слишком много любопытных глаз и странствующих стражников святого обряда.

– Эх. Там домик один есть, он весь рунами исписан. Поможет ночь переждать, если она застанет в пути. А той мало ли чего случиться может. Малец был там со мной пару раз, знает, где он находится.

Ванька одобряюще кивнул и широко улыбнулся.

– И вы... энто самое... речки стороной обходите.

– Ты чего это? – усмехнулся Рарог. – Уже к своей рыженькой ревновать начал?

– Дурак ты, Рарог, ой дурак. Сегодня русальное воскресенье. Очень опасное время. Спроси у любого рынбака. Русалки и так там дикие стали, а тут еще и энто затмение на носу. Треклятая халынья ночь, будь она неладна. В общем, берегите себя. И удачи, она вам еще как понадобится.

После этих слов он обнял Ваньку, похлопал по плечу Рарога и отправился к себе в хату.

– Зачем ты его обманул? – довольно громко спросил Ваня.

– Чего?

– Ведь восемь раз по пять медяков и еще восемь сверху будет вот столько, – и он пальцами показал числа четыре и восемь. – А ты ему дал...

– Заткнись, мальчик, – Рарог отвесил Ваньке подзатыльник. – Идем. Мы и так опаздываем.

Акт II

А кто говорил, что будет легко?

Глава III

Четыре простых правила

– В общем, запомни, малой, три простых правила, если ты хочешь, чтобы мы выжили во время нашего с тобой душевного путешествия по Трупному лесу, – начал говорить Рарог, как только они вышли за пределы деревни. – Правило первое: всегда слушайся меня. Правило второе: не отходи от меня ни на шаг. Отсюда вытекает правило номер три: если тебе приспичит, то либо терпи, пока мы не остановимся, либо учись делать это на ходу. Как? Это уже твои проблемы. Я не буду стоять и ждать, пока ты будешь подыскивать себе нужный кустик. Усек?

– Угу. Усек-усек, милсдарь! – ответил Ваня, почти не задумываясь над сказанными ему словами. Огромная стрекоза, выписывающая воздушные пируэты прямо перед его носом, явно заинтересовала его куда больше.

Рарог лишь обреченно вздохнул, глядя на бегающего за стрекозой Ваньку. С детьми он ладить не умел. Но паренек был ему нужен, так что придется терпеть и учиться взаимодействию, а также познавать все азы общения с малолетними на ходу. В этот самый момент, прерывая размышления Рарога, Ванька рысью выпрыгнул из-за кустов прямо ему под ноги. Да так, что Рарог чуть было не споткнулся об него.

– А зачем тебе в Трупный лес? – выпалил он сразу же.

– Не «в», а «через», – поправил его Рарог.

– Ну хорошо, – ребенок и не думал сдаваться, – а зачем тебе на другую сторону?

– Господи, пацан, да какая тебе разница?

– Как какая? Ты ж теперь мой батя, я же должен про тебя хоть что-нибудь разумать.

– Для начала – я тебе не отец и никогда им не буду.

– Почему? – Ванька на мгновение замер.

– Потому. Как только мы переберемся на ту сторону леса, я оставлю тебя в первой попавшейся деревне, а сам пойду дальше.

– Почему?

– Тебе нельзя со мной. Опасно для нас обоих. Ты будешь для меня только обузой.

– Почему?

– Этот вопрос я уже слышал. Давай следующий.

– Почему?

– Да замолкни ты уже, а? Задрал ты своим почемуканьем! – не выдержал Рарог.

Где-то с минуту они шли в тишине. Лишь легкое шуршание листьев на деревьях и стрекотание насекомых в траве нарушало спокойствие. Еще два шага, и Ваня не выдержал:

– Ты набедокурил и теперь прячешься от кого-то?

– Нет.

– Ты убил кого-то?

– Нет.

– Собираешься убить?

– Тебя убью, если не замолкнешь.

– А как же ты тогда в лес без меня пойдешь?

– Да чтоб тебя, пацан! Ты еще хуже того надоедливого прибожка!

– Якого?

– Да какая тебе разница!

– Ты и его убил?

– Нет.

– А что ты с ним тогда сделал?

– Закопал посреди поля головой в землю, снял с него штаны и обмазал задницу медом.

– Это же глупо! – запротестовал Ванька.

– А вот и нет.

– Ты и со мной так поступишь?

– А ты хочешь? – Рарог схватил ребенка за шкурку, поднял над землей и развернул к себе лицом.

– Нет! Я не люблю мед! – закричал Ванька и попытался выкрутиться, но у него ничего не получилось.

– Тогда закрой рот и иди молча.

– Смилуйтесь, сударь, мне же скучно будет, – взмолился Ваня.

– Значит, так, правило номер четыре...

– Так было же только три!

– Теперь вместо трех правил, благодаря твоему длинному языку и не по годам огромному рту, у нас появилось четвертое правило... которое гласит: держи свой поганый рот на замке, пока тебя не спросят старшие! Ты понял меня? – Рарог легонько встряхнул Ваню, чтобы до него сразу дошла вся серьезность его намерений. Тот в ответ лишь смешно засеменял ногами в воздухе. – А если ты нарушишь хоть одно из правил, то я клянусь твоей жалкой душонкой, что я сниму свой сапог, натяну его тебе на голову и заставлю так идти всю дорогу до леса. Мне, конечно, будет жутко неудобно. Зато ты будешь молчать да и видом своим всю нечисть распугаешь. А то же она никогда еще назойливого сапогоголового мальчика не встречала на своем пути. Вот и испугается да с диким воем в лес деру даст. Ну как, договорились?

Ванька хотел было открыть рот, чтобы что-то сказать, но сразу же потупил взгляд и молча кивнул.

Проведя в дороге чуть больше часа, Рарог решил сделать короткую остановку, чтобы попить воды и перекусить. Ванька же все это время хмурился, но четко выполнял все четыре правила, молча вышагивая рядом с Рарогом. Периодически он обгонял его лишь для того, чтобы бросить гневный взгляд на своего обидчика.

– Малой, иди сюда в тени, – позвал его Рарог под развесистый каштан.

Ваня без какого-либо энтузиазма сошел с дороги и подошел к дереву, нарочито пиная ногами все попадающиеся на глаза мелкие камни. Затем с недовольным выражением лица плюхнулся на землю и демонстративно отвернулся. Рарог, не обращая на такой молчаливый протест никакого внимания, положил свой массивный двуручный топор на землю и снял кожаную куртку. Рядом оказался потрепанный мешок, из которого он достал флягу с водой, кусок вяленого мяса и ломоть хлеба. Разделил поровну и положил Ванькину часть на белый платок перед собой, что служил им своеобразным столом.

– Вот, перекуси. Не знаю, когда нам еще удастся присесть и спокойно поесть. А тебе силы нужны будут. Поэтому давай, ешь сейчас.

Ванька искоса посмотрел сначала на еду, затем на Рарога.

– Много. Я столько не съем... да и не хочу... – промямлил он с опаской.

– Не ной. Ты же мужик, тебе нужно много есть, а то борода не вырастет. Так что давай, молоти челюстями пищу. Или голодный желудок, а голова в сапог... выбирай сам.

Мальчик сразу же принялся за свою порцию. Судя по тому, как быстро и с каким аппетитом он все съел – в него с легкостью могло влезть еще столько же. А то и больше.

– Так, – сказал Рарог после того, как Ванька поел и напился водой, – по твоим глазам вижу, что ты хочешь что-то сказать. Поэтому у тебя сейчас есть уникальный шанс быстро выговориться, иначе потом опять – рот на замок до востребования или сам знаешь что.

У Вани моментально загорелись глаза, но было видно, что он сильно растерялся от такой неожиданности. Уж слишком многое у него накопело за все время молчания, и бедный явно не знал, с чего начать, да так, что аж покраснел и у него выступил пот на лбу.

– Успокойся и дыши глубже, хорошо? А то у тебя сейчас от перенапряжения череп лопнет. И раз у тебя случился затык, то давай я тебе помогу. Ты лучше скажи – что нас ждет дальше? Есть то, чего я не знаю? И о чем должен беспокоиться, пока не поздно.

Ваня на секунду задумался, а потом завелся:

– По дороге через пару верст будет небольшая деревня Заставка, а за ней кладбище и сразу лес! Но я не думаю... Нет, там не будет опасно. Хотя деревня... Ну не было. Крайний раз. И перед ним. Хотя там... у этого самого... в Заставке... короче, она... ну разве что... такая...

Мальчик настолько занервничал, что сам того не осознавая, вскочил и начал бегать кругами перед Рарогом.

– Хорош-хорош-хорош, – Рарог аккуратно схватил ребенка за шиворот, поставил перед собой, затем попытался остановить его словесный поток жестом. – Помни, малой, хорошего понемножку. Так что теперь – давай как договаривались, ага? Рот на замочек закрывается, ключик отправляется в карманчик и все такое. Будь хорошим спутником и не усложняй наше с тобой и без того сложное путешествие.

– Но... там... я же...

– Тс-с-с, слышишь? – прошептал Рарог. – Это тишина. Знаешь, чем она полезна?

Ваня недоверчиво покачал головой.

– Она успокаивает нервы и помогает пищеварению. Пошли. Привал окончен.

Глава IV

По дороге в ад

Чем ближе они подходили к деревне, тем сильнее и резче вокруг них менялся пейзаж. Приятные глазу яркие и сочные краски сельских видов теперь уступали место безжизненным и бледным оттенкам серого, черного и коричневого. Но стоило им подняться по дороге на холм, как все стало еще хуже. Просматривающийся среди мутной пелены силуэт деревни походил на хаотичный рисунок безумца, что рисовал углем. Обугленные деревья, подобно адским шипам, вырывались из земли и устремлялись к небу, пытаясь пронзить его зараженными скверной иглами. Полуразвалившиеся сгоревшие дома и редкие покосившиеся заборы, похожие на обгоревшие останки скелета в пепелище, напоминали, что когда-то вся деревня была единым живым организмом и в ней бурлила жизнь. Черные, выжженные диким пламенем поля и бесцветные луга распространялись на сотни метров вокруг, словно трупные пятна на теле природы.

Все говорило о том, что здесь не осталось ничего, кроме смерти. Даже солнце, которое до этого светило ярко, теперь спряталось за таинственную дымку и казалось серым и холодным, больше походящим на едва заметную в небе луну. А над деревней непроглядной и бесконечной тенью на горизонте возвышался проклятый лес. Голый, мрачный, навевающий ужас, словно чья-то больная фантазия воплотилась наяву.

Перед ними раскрывал свои объятия мир страха, боли, отчаяния и смертельной безысходности. И чем больше Рарог смотрел на образовавшуюся под холмом безжизненную пустоту, тем сильнее она овладевала им изнутри.

Оставшийся путь до деревни они осторожно шли по выжженной дороге, взбивая ногами тучи пепла и напряженно оглядываясь по сторонам. Серая трава и редкие заросли кустарника превращались в пепел, стоило путникам только пройти рядом с ними. Вокруг стоял непереносимый смрад гари и разложения.

– Что здесь произошло? – тихо спросил Рарог, не доходя нескольких шагов до того, что осталось от первого дома. Ему не хотелось слышать ответ, ровно в той же степени, как и задавать вопрос. Он все и сам прекрасно понимал, но слова вырвались сами по себе вместе с обреченным вздохом.

– Мор, – печально ответил Ваня, – он в деревню пришел из лесу. Недели две назад. Люди в страшных муках погибали. Я разговор нашего лекаря подслушал. . .

– Когда ты последний раз здесь был, деревня уже была такой?

– Нет, – с дрожью в голосе сказал мальчик, – Заставка была еще нормальной. Люди жили. Ходили между деревнями друг к другу в гости. Я даже девочку одну знал. . . Марья. Она жила вон там в сарае у кузнеца, – он указал пальцем на один из развалившихся домов. – Теперь ее нет. . . никого нет.

Пройдя несколько метров, Рарог решил заглянуть в один из домов. В комнатах и коридоре на почерневшем полу валялись обугленные части тел, несколько голов. Судя по их размерам, скорее всего, это были подростки. Возможно, дети хозяев дома. Рарог нервно сглотнул, выругался и поспешно вышел из дома, увлекая за собой не в меру любопытствующего Ваньку.

Больше всего его пугало то, что в выжженной деревне было до ужаса холодно. И это несмотря на то, что стояла ранняя весна и был полдень. На путников давила обволакивающая мертвая тишина, от которой болели уши и голова. Рарог пытался вслушиваться, чтобы услышать хоть что-то. Или кого-то. . . Ни звука. В висках от напряжения застучала кровь, сердце заколотилось с бешеным ритмом, да так, что казалось, будто звук его сердцебиения разносится

на километры вокруг. Каждый шаг давался с огромным трудом. Каждый вздох отдавался болью в груди. Посмотрев на Ваньку, Рарог понял, что тот тоже испытывал нечто подобное. Скрипя зубами, он снял куртку и закутал в нее мальчика.

«Не хватало еще того, чтобы пацан замерз и потерял сознание, нас еще ждет лес», – мысленно сказал сам себе.

А Ваня и не сопротивлялся. Даже наоборот, что было сил вжался в ногу Рарога и не хотел отпускать. Прошло еще несколько минут. Их окружали кажущиеся бесконечными ряды разрушенных стен, обрушившихся крыш, поваленных заборов. Зияющие черные дыры окон и дверей, распахнутые в безмолвном крике. Рарогу постоянно мерещились различные призрачные силуэты, выглядывающие из-за домов, из окон. Они молча провожали их обреченным взглядом. Некоторые дома сильно погрузились в землю при пожаре и стали похожи на застывшие скелеты мерзких тварей, пытавшихся выбраться из нее.

Ближе к центру деревни им начали попадаться мертвецы. Одни пострадали от пожара, другие же... разлагались, навсегда застывшие в страшных позах. Эти люди не погибли от мора, не погибли от огня, их постигла участь куда хуже. Выпотрошенные, обглоданные, разорванные на части, съеденные заживо. Если в мире где-то и существовал ад, то эта деревня явно ощутила на себе его присутствие.

– Кто это? – тихо спросил Ваня дрожащим от страха голосом.

Он указал пальцем на темные фигуры, что стояли над телами погибших жителей Заставки.

– Плакальщики.

– Они опасны?

– Нет. Это просто духи. Или призраки. Говорят, что они появляются в местах массовых трагедий. Чаще всего там, где осталось множество непогребенных тел. И оплакивают их. Плакальщики безобидные, по крайней мере всегда такими считались. Пойдем. Просто не обращай на них внимания и веди себя спокойно.

Когда Ваня проходил мимо, а иногда даже сквозь преградивших дорогу духов, то он сразу же понял, почему их назвали именно плакальщиками, а не как-нибудь иначе. Он отчетливо слышал исходящий от них плач. Тихий, иногда едва различимый, но настолько тоскливый и полный боли и отчаяния, что у Вани начинало щемить сердце и он сам был готов расплакаться. Бедному мальчику, едва сдерживающему слезы, почему-то вспомнилась его мама. Как он сам горько плакал, когда ее не стало. Как он остался наедине со своим горем. После очередной волны воспоминаний слезы сами потекли по его лицу, беззвучно спадая громадными хрустальными каплями на покрытую пеплом землю.

Есть вещи, на которые сложно смотреть, даже если ты себя всю дорогу к ним подготавливал. Есть вещи, к которым сложно привыкнуть, даже если ты их видел уже тысячи раз. Есть вещи, которые ужасают. А есть те, которым вообще нет разумного объяснения. Именно такой *вещью* и была эта деревня. Все эти мысли лихорадочно крутились у Рарога в голове.

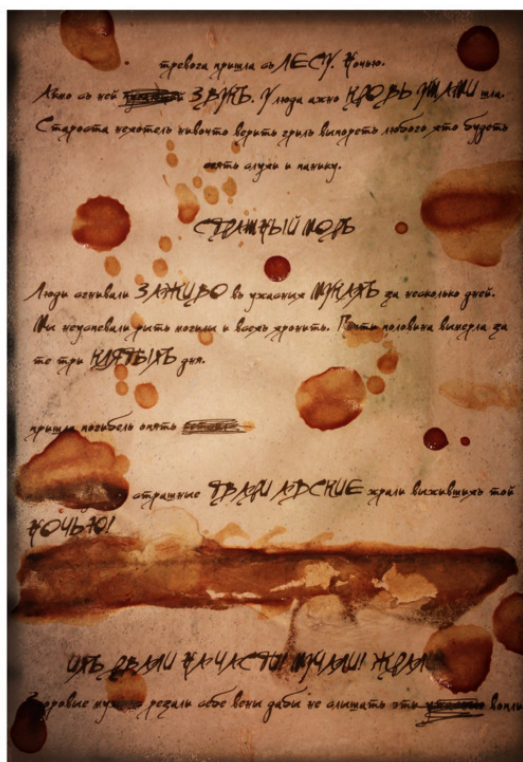
Рарог много раз слышал про плакальщиков, но это был первый раз, когда он увидел их живую и почувствовал на себе эффект их присутствия. И теперь он смело мог заявить, что эти духи не такие уж и безобидные, какими их считают. По какой-то неизвестной ему причине их плач пробудил в нем воспоминания, которые он поклялся забыть навсегда. Ему вспоминались люди и события, его поступки, совершенные когда-то давно, как ему казалось, еще в прошлой жизни, от которых его воротило от одной только мысли. Все это вновь заставляло кровоточить его старые душевные раны. А как ему было известно – психологические раны болят куда сильнее телесных да и заживают в разы дольше, если это вообще возможно.

Чтобы хоть как-то перевести дух, Рарог затащил Ваньку в один из домов, что на первый взгляд пострадал меньше всех. Входная дверь была выбита снаружи. Едва переступив порог,

у Ророга во рту сразу же появился металлический привкус и к горлу подступил ком. В доме воняло гарью и кровью. На стенах в прихожей, как и по всему дому, виднелись следы от чьих-то огромных когтей. В тех местах, где полы не обгорели, сохранились кровавые разводы. Кого-то небрежно и быстро тащили по полу и, судя по оставшимся следам – кровавым отпечаткам пальцев и ладоней внизу стен, полу и ножках более или менее уцелевшей мебели, этот человек все еще был жив и сопротивлялся, пытаясь зацепиться руками за что угодно, что могло спасти ему жизнь.

Ророг провел Ваню в самую дальнюю комнату. Внутри нее, несмотря на крошечные размеры и отсутствие повреждений от пожара, хаос был не меньше, чем во всем доме. Раскуроченная мебель, сломанные стулья, перевернутый стол и бесчисленные пятна, брызги и подтеки крови на полу и стенах. Даже на потолке. Здесь явно был бой и кто-то отчаянно боролся за свою жизнь. Но у защищавшихся не было шансов, уж слишком неравны были силы. Ророг поставил один из валявшихся стульев, проверил, не сломан ли он, затем посадил на него мальчика так, чтобы тот мог наблюдать за открытой дверью и закричать в случае чего. А сам начал осматриваться. Что-то искал, не совсем понимая, что именно. Каким-то образом в царившем полумраке рядом с перевернутым столом он обнаружил небольшую книжку, заляпанную кровью. Похожа на записную, которую с собой носили писцы или счетоводы.

Книжка развернулась с хрустом, больше половины ее листов слиплись и ссохлись между собой. На остальной половине Ророг с трудом мог что-то разобрать, уж слишком ужасен был почерк. Но, к его удивлению, на последних листах писал совсем другой человек. Ророг с интересом принялся читать:



«...тревога пришла с ЛЕСУ. Ночью. Акмо с ней <замалевано> ЗВУК. У люда ажню КРОВЬ УШАМИ шла. Староста не хотел ни во что верить, грил, выпорот любого, кто будет сеять слухи и панику.

Страшный МОР.

Люди сгнивали ЗАЖИВО в страшных МУКАХ за несколько дней. Мы не успевали рыть могилы и всех хоронить. Почти половина вымерла за те три КЛЯТЫХ дня.

Пришла погибель опять <перечеркнуто>

<неразборчиво> страшные ТВАРИ АДСКИЕ жрали выживших той НОЧЬЮ!

<кровавые разводы закрывают все предложение>

ИХ рвали на части! МУЧАЛИ! ЖРАЛИ!

Здоровые мужики резали себе вены, дабы не слышать эти <зачеркнуто> вопли...»

Дальше написанное едва ли поддавалось расшифровке, так как текст больше был похож на бред умалишенного да и почерк становился все менее понятным:

«...нас осталось пятеро. Твари вернулись

Вездекровь! Она везде! Вопли этиужасныевопли

Господьпомоги нампочему ты насбросил

Нетвых <перечеркнуто>

Мыжглиздеревню

Явижу АДонсушествует

Онидетвдоммнестрашно

не хочу умир <перечеркнуто несколько раз>!!

Молюсь всебгам

Почему они менянеслышат??!!

ОН ОНегоглаза <неразборчиво>

Он пришел замной!

мамамамамамамамаааа...»

Последние, скорее всего предсмертные, фразы были написаны сильно трясущейся рукой огромными буквами наискось. По оставшимся разводам на странице было понятно, что писавший человек плакал.

Рарог закрыл записную книжку и задумался. Несколько последних строчек вызвали у него неподдельный интерес. Кто пришел за писавшим все это бедолагой? Чьи глаза он увидел перед тем, как умереть? И еще куча вопросов, ответить на которые он был не в силах. Рарог решил взять с собой эту книжку на всякий случай. По крайней мере, ему будет чем занять себя, когда он окажется в менее напряженной обстановке.

Покидая дом, они обратили внимание на надпись на стене в коридоре, которую до этого не заметили. Она была сильно закопчена гарью, но буквы все равно просматривались. И что-то подсказывало, что они были написаны кровью:

«Боги нас бросили. Ад же про нас не забыл и занял их место».

Едва ли что-то могло вырвать Ваньку из его раздумий. Он молча плелся рядом с Рарогом, держа его за руку, и практически не смотрел по сторонам, только себе под ноги. Тяжкие мысли никак не хотели отпускать детский ум и проникали все глубже и глубже внутрь его сознания, обволакивая все его нутро тягучей пеленой мрака и отчаяния. Так продолжалось до тех пор, пока кое-что не привлекло его внимание.

Когда они проходили мимо большого полуразрушенного дома, что-то ярко вспыхнуло за забором. Ваня остановился и застыл в ожидании, озадаченно глядя на потрескавшиеся и выцветшие от многолетнего пребывания на солнце доски. Рарог стал рядом с мальчиком, выгнув правую бровь в немом вопросе.

– Что такое? – спросил он после непродолжительного ожидания. – Ты что-то заметил?

– Там... за забором что-то вспыхнуло.

– Вспыхнуло, говоришь? – в голосе Рарога чувствовалось недоверие. – Я ничего не видел.

– Но мне показалось...

– Вот именно, малой, тебе показалось. Давай, цепляйся, – Рарог протянул руку. – Даже если там что-то и было, в чем я сомневаюсь, то мы не будем выяснять, что именно там могло... вспыхнуть. Пойдем.

Мальчик помедлил секунду-другую. Он верил в то, что ему не почудилась эта вспышка. Но и спорить не хотел. Сердито чертыхнулся, чем вызвал едва скрываемую улыбку у Рарога. И ровно в тот момент, когда он взял его за руку, из-за забора вылетел светящийся шар. Рарог от удивления раскрыл рот, а Ваня не удержался на ногах и громко плюхнулся на зад.

Пульсирующий зеленоватым светом шар спокойно парил над землей, он был небольшим, размером с хороший кочан капусты. Шар беззаботно облетел вокруг Рарога и направился к Ване. Облетел вокруг его головы несколько раз. От шара исходило едва заметное жужжание, словно от роя комаров, находящегося где-то неподалеку. Каждый раз, когда он оказывался достаточно близко к лицу Вани, у мальчика начинало приятно пощипывать кожу, а волосы становились дыбом. Сделав еще несколько кругов вокруг Вани, шар отлетел на некоторое расстояние и неподвижно завис над землей, словно в ожидании.

– Это светляк... – все еще не веря своим глазам, прошептал Рарог, – будь я проклят, но это самый настоящий светляк.

После его слов шар мигнул. Взглянув на растерянное выражение лица мальчика, Рарог продолжил:

– Существует поверье, что светляки – души безродных, неправильно, а чаще всего – вообще непогребенных детей. Они не могут попасть в иной мир, так как никто их там не встречает.

– Встречает? – неуверенно переспросил Ваня.

– Да. Говорят, что после смерти наши души у ворот в иной мир встречают родственники или близкие нам люди. Они указывают душам верный путь и помогают им пройти предназначенные испытания. Безродных же детей – некому встречать. Их никто не ждет. Вот они и возвращаются в наш мир в виде светляков в попытке найти того, кто поможет им отправиться на упокой. Но чаще всего они так и остаются на перепутье между нашим миром и тем, обреченно скитаясь недалеко от места своей гибели.

После этих слов шар засветился еще ярче, словно подтверждая их правоту. Затем он подлетел к Ване и начал быстро кружить вокруг него, периодически отлетая к краю забора и подлетая обратно.

– Кажись, малой, ты приглянулся светляку и он хочет тебе что-то показать. Вы знакомы?

– Я узнаю тебя, ты... – шептал Ваня дрожащими губами, – ты... Марья.

Шар радостно замигал и сделал небольшой пирует над землей.

– Рарог, это Марья! – закричал Ваня. – Я говорил тебе о ней, она жила здесь. В том сарае! Я помогу тебе... ты только покажи... только скажи, что мне нужно сделать.

Шар молниеносно сорвался с места и полетел за забор, а Ваня со всех ног отправился за ним.

– Малой! – закричал Рарог ему вслед. – Ты куда, мать твою?

Но мальчик его уже не слышал, он бежал за указывающим путь светляком. Рарогу только и оставалось что побежать следом.

Запыхавшийся Рарог чуть было не потерял Ваню из виду. Он догнал мальчика, когда тот остановился на пороге огромного сарая. Светляк беспокойно кружил над его головой.

– Я смотрю, ты решил сразу махом нарушить все правила, да, малой? – злобно прорычал Рарог, крепко схватив мальчика за плечо. – Ну ты сам напророчился, сейчас, дай только снять сапог, и тогда я тебе устрою...

– Там кто-то есть, – сказал Ваня, не обращая внимания на гневную тираду Рарога и боль в плече.

– Чего?..

– Там кто-то есть, – повторил Ваня, – прислушайся.

И действительно, стоило Рарогу сосредоточиться, как он услышал приглушенный шорох, исходящий из глубины сарая.

– Быстро, стал мне за спину, – скомандовал Рарог и снял топор со спины.

В сарае было слишком темно, чтобы что-то разглядеть. Но все же Рарог заметил кое-какое движение, исходящее от левой стены. Кто-то или что-то медленно двигалось в их сторону.

– Ну давай, тварь, только выйди на свет... – шептал себе под нос Рарог, скрежеща зубами.

Чем ближе к ним приближалась тварь, тем больше деталей замечал Рарог. Она однозначно передвигалась на четвереньках и была размером с большую собаку. Рарог мог поклясться, что у нее была шерсть, а из пасти свисало нечто похожее на щупальца. Рарог мысленно перебирал всех известных ему трупоедов, но под это описание практически никто не подходил. И это явно шло не на пользу Рарогу, отчего он занервничал еще сильнее. Каждая тварь вела себя по-разному и требовала особого подхода.

Рарог заметил, что чем бы ни было это нечто, оно сильно хромало на одну ногу. Переднюю правую. Это открывало некоторые перспективы, и Рарог начал мысленно продумывать план возможных действий. Он напрягся всем телом в попытке предугадать вектор возможной атаки. Но тварь замерла в нескольких шагах от них.

– Сука, вот только не надо этого, всю тактику мне рушишь, – крикнул Рарог, – давай, выходи на свет!

Тварь издала нечто похожее на рык и сделала шаг вперед.

– Это пес! – завопил Ваня еще до того, как Рарог успел замахнуться. – Это пес!

Мальчик оказался прав. Это и вправду была собака, а не какой-нибудь трупоед. Пес осторожно вышел из сарая. Весь грязный и лохматый. Его передняя правая лапа была сильно обожжена, а на левом боку зияла огромная рваная рана. У бедняги отсутствовал кончик хвоста, левое ухо было разодрано в клочья. Но самое главное было то, что из его пасти торчали никакие не щупальца, а старая тряпичная кукла.

– Да это же Мошка! – Ваня запрыгал на месте. – Это Марьин пес. Он жил с ней в этом сарае и не отходил от нее ни на шаг. Мошка, ты помнишь меня? Это я, Ваня. Иди сюда, Мошенька, иди ко мне, мальчик.

Услышав свое имя, пес радостно завил хвостом и прижал уши. Он упал на землю и скуля пополз к Ване. Они оба пребывали в щенячьем восторге от такой неожиданной встречи. Мальчик обнял собаку и сразу же принялся ее всячески ласкать и гладить.

Возможно, Рарог тоже бы обрадовался такому повороту событий, если бы не одно но. Он заметил, что в сарае был кто-то еще.

– Малой, – Рарог позвал Ваню и сделал шаг назад, – а ты случайно не в курсе, у твоей подружки был только один пес или...

Но договорить он не успел. Нечто большое с ревом вылетело из сарая и сбило не успевшего толком среагировать Рарога с ног. Это был упырь. Несмотря на то что некогда эта тварь была человеком, теперь она напоминала его лишь отчасти. Чудовище передвигалось на четырех мощных когтистых лапах, мерзкого вида сморщенная кожа огрубела и была покрыта различными волдырями, бородавками и струпиями. Вместо человеческого рта у упыря была усеянная острыми клыками пасть, а все лицо теперь больше напоминало свиное рыло из-за ввалившегося внутрь приплюснутого носа и впавших красных глаз.

Рарог лишь чудом успел воткнуть в вонючую пасть древко топора, тем самым не позволяя упырю сразу сомкнуть свои гниющие зубы у себя на шее. Он изо всех сил налег на топор и старался как можно дальше отодвинуть от своего лица, забрызганного смердящими гнилью

слюнями, разинутую пасть упыря. При этом ему еще нужно было извиваться, подобно ужу на солнце, чтобы не попасть под острые когти. И все это приходилось делать лежа на спине.

В тот самый момент, когда зубы трупоеда оказались в считанных сантиметрах от носа Рарога, наконец-то подоспела помощь. Мошка вцепился упырю в бок и сразу же оторвал огромный кусок плоти. Разъяренный пес не обращал внимания на свои увечья. В его глазах кипела ярость, а желание отомстить чудовищу придавало силу, ведь это была уже не первая их схватка и именно этот упырь нанес Мошке раны несколькими днями ранее. А тут еще и Ваня, крича и рыча громче, чем все трио, сцепившееся в смертельной схватке, принялся лупить упыря по морде откуда-то появившейся у него в руках лопатой.

Трупоед дико взревел, выпустил топор из зубов, отмахнулся от мальчика. Его мощная пятерня лишь слегка зацепила Ваню, но этого хватило, чтобы ребенок отлетел на несколько метров. Он неудачно упал на плечо и застонал от боли. Если бы не огромная кожаная куртка Рарога, смягчившая удар, то все могло обернуться для него куда серьезнее. Увидев это, Мошка отпустил ногу чудовища, в которую он, казалось бы, вцепился мертвой хваткой, и хотел было подбежать к Ване, чтобы стать на его защиту, но чудовище вывернулось, схватило пса за задние лапы и что было сил ударило его о землю. Мощный звук удара заглушил собой раздавшийся хруст и последовавший за ним отчаянный писк. Упырь поднял моментально обмякшую собаку и швырнул о стену сарая. Тело Мошки проломило тонкие обветшавшие доски и с грохотом исчезло во тьме образовавшегося проема.

Все это длилось несколько секунд, но именно столько времени потребовалось Рарогу, чтобы подняться на ноги, замахнуться и вонзить топор прямо промеж глаз упырю. Лезвие вошло достаточно глубоко, фактически разделив череп монстра напополам до самого носа. Тварь удивленно уставилась на Рарога. Кровь из ее головы начала хлестать во все стороны. Упырь попытался зарычать, но вместо утробного рыка из его пасти раздалось хриплое бульканье. Рарог с лязгом вырвал топор из головы трупоеда и сразу же вонзил его в жилистую шею. Снова выдернул топор и ударил еще раз. Этого оказалось достаточно, чтобы снести упырю голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.